сословное мышление, в котором личность не отделялась от своей социальной категории, от своего твердо закрепленного места в социальной иерархии. Рыцарь или вассал для средневеково-феодального сознания существовал в этом своем качестве, которое сближало его с другими представителями той же социальной категории.

Для мыслителей новой эпохи после Декарта, Гоббса и Спинозы такое представление о человеке уже оказалось примитивным. Новая наука стала рассматривать человека вообще, человека вне каких-либо связей социальных или исторических. Чистый индивидуум и чистое общество в их взаимоотношениях — вот любимый предмет рассуждений той науки, которую в XVIII в. называли философией.

В результате, сделав серьезный шаг в научном изучении психологии человека, просветительская мысль отказалась от конкретной социологии и от какого бы то ни было представления о формах общественного бытия человека.

В работах о литературе XVIII в. можно встретить упоминания о том, что в творчестве таких писателей, как например Фонвизин, ставится проблема соотношения человека и среды.[1]

Рассуждающие так ошибаются, они переносят понятия, свойственные реалистическому искусству 1830—1840-х годов, на литературное развитие 1770—1780-х. У Фонвизина в «Бригадире» и в «Недоросле» Простаковы и Скотинины, вместе взятые, не составляют определенной социальной среды со своими, только ей присущими историческими и локальными признаками и свойствами.

Проблема человека и среды у Фонвизина без остатка поглощена проблемой воспитания индивидуума. Личность, характер — это плод воспитания, результат разумных или неразумных родительских внушений.

Принцип tabula rasa формально торжествует в «Недоросле», хотя сам-то по себе фонвизинский подход к характеру дает повод и основание для более сложного представления о психологической структуре личности.

Человек и его воспитание — это иначе выраженная просветительская идея о «мнениях», идеях, которые правят миром и определяют собой ход истории. Таким образом, просветительский антропологизм XVIII в. неизбежно препятствовал выработке исторического подхода и к человеку, и к обществу.

Взамен традиционно-средневекового «общинного» «родового» мышления просветительская мысль XVIII в. предпочитала считать, что общество — это механическая сумма индивидов, мир атомов, свободно движущихся в пустоте. Поэтому между персона-

---

[1] См.: Г. П. Макогоненко. Денис Фонвизин. Гос. изд. худ. лит., М.—Л., 1961, стр. 247—249.